Век. Москва. — 1997. — 13 сент. — с. 4

Николай Губенко:

НО ДУШУ

– Все это чеховские наброски, ни слова чужого нет. Я смонтировал четвертый акт из трех чеховских вариантов, потому что последний, на котором Чехов остановился, на мой взгляд, значительно сужает рамки истории. У меня же зрителю дается надежда на то, что Иванов воспрянет духом.

– У вас три актера на роль Иванова (Игорь Бушмелев, Евгений Карельских из Вахтанговского и сам Николай Губенко. – Прим. ред.). А что произошло с четвертым – Георгием Тараторкиным?

– Он начинал репетировать, но потом его избрали секретарем СТД, и, кроме того, он очень устал. Мы отложили сотрудничество на более позднее время – когда он себя реабилитирует чисто физически. Но я не думаю, что это ему скоро удастся, — я знаю, что такое секретарские должности и как изматывает общественная работа.

– А время, когда вы были министром культуры, дало какой-то материал для творчества?

– Я написал сценарий о том, как был министром на стыке двух систем. Фильм должен получиться комедией или трагифарсом.

Если спонсоров найдем.

– Давайте вернемся к «Иванову». У вас есть любимые сцены, персонажи, фразы? Лично вам более дорогие?

– Вообще эпиграфом пьесы может стать фраза Боркина: жизнь человеческая подобна цветку, пышно произрастающему в поле, – пришел козел, съел, и нет цветка. В принципе, в каком бы веке мы ни жили, каждый из нас не должен считать, что его присутствие в этом мире чрезвычайно существенно и он может даже изменить что-то к лучшему. За такой песчинкообразный период, как 60—70 лет, вряд ли кто-либо способен повлиять на ход развития человечества. За исключением великих... Шекспира, Толстого, Пушкина, Достоевского... Да и то, подобные им улучшают душу лишь очень небольшого круга людей, интересующихся вообще душой. А так человек живет, отрабатывает в своем ремесле положенное количество лет и уходит, большей частью не оставив о себе даже и следа. И вот эта цитата боркинская, мне кажется, – плоть от плоти чеховского стержня. Чехов при своей болезни понимал быстротечность жизни и как врач, философ и мыслитель весьма иронично относился к самому себе. Да и к окружающим. Если артисты сработают хорошо, то зритель должен выходить от нас с горькой самоиронией по отношению ко всем своим совершенным подвигам.

Что касается близости тех или иных героев, то, конечно, мне дорог Иванов со своей глубиной чувств, очень близка Сарра – умением страдать. В меньшей степени близка Шурочка, просто потому, что я уже пожилой человек и знаю, что весь этот романтизм надежды на исправление кого-либо из любимых – в жизни, как правило, не оправдывается. В пьесе много приятных людей. Но главный, конечно, Иванов, чья душа трудится больше всех над вечными русскими вопросами. Его суть – это чувство вины. Есть такие люди, готовые взять на себя вину не только свою, но и других, рядом стоящих. И они очень полезны в обществе. Их мало, но именно в них, аккумуляторах общественной боли, духовная сила русского народа.

– Отдельные мизансцены спектакля выстроены прямо-таки с кинематографической тщательностью...

– Ну что делать, если я люблю кино. Я же кинематографист, ставший театральным режиссером поневоле: когда меня актеры попросили помочь, я как человек ответственный стал делать все возможное, чтобы этот театр существовал.

У нас вообще театр можно назвать театром кинематографического режиссера. Сережа Соловьев работал, я, Никита Михалков у нас хотел делать чеховского «Платонова». Еще пару-тройку режиссеров из кино привлечь, и можно будет переименовываться.

– Насчет Никиты Михалкова – это реально или из разряда маниловских проектов?

– Он действительно хотел ставить в театре «Платонова», – в паузе от кино. Но Никита такой энергичный человек, что у него простоев не бывает. Он сохранил себя как кинематографист, всегда может достать спонсорские средства, и поэтому, думаю, его паузы нам ждать придется долго.

– А не возникало идеи пригласить в театр вашу жену, Жанну Болотову? Для полного кинематографического альянса?

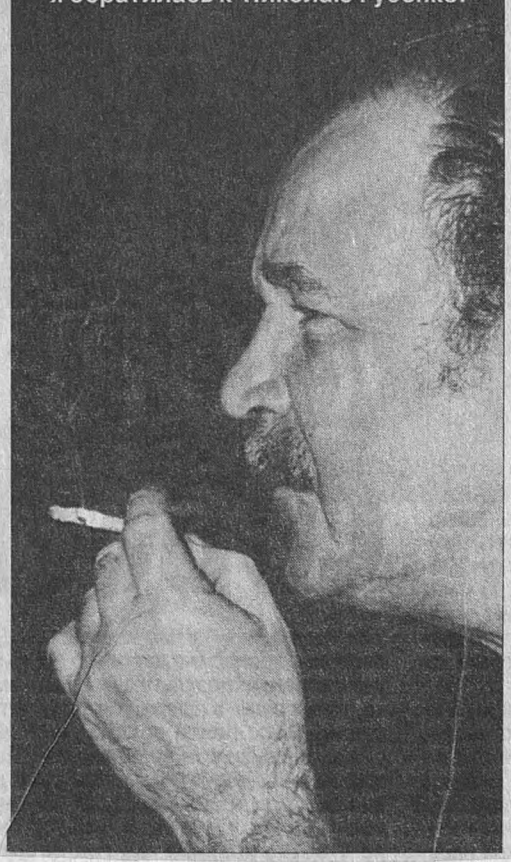
– Эта идея теплится у меня в душе. Но Жанна трусит. Потому что театр — это совсем другое дело, чем кино. Она никогда не играла в театре. Да, мы выступаем в концертах вдвоем, она чудесно читает стихи, великолепно – прозу. Но чтобы попробовать ее в театре, нужно иметь определенное мужество. И с ее стороны, и с моей. Потому что вы знаете, как, скажем, отдельные труппы относятся к женам художественных руководителей. Я не хотел бы, чтобы это ее коснулось. Но она мне дома очень помогает в размышлениях над спектаклями.

Встречалась
Ирина КОРНЕЕВА
Фото Виктора СМОЛЬЯНИНОВА.
Концерн «ВМ»

Станция «Таганская»

ЖЕНИТЬ ТАК И НЕ

Премьерой «Иванова» открылся сезон в «Содружестве актеров Таганки». До последнего акта в новой постановке художественного руководителя Николая Губенко все идет чин чином: Иванов места себе не находит, страдая, Шурочка, наплевав на все запреты, приходит к нему в дом – любовь ей деятельная покоя не дает, жена Иванова Сарра узнает все – и про новую любовь мужа, и про свою болезнь... Но к концу пьесы знающий наизусть Чехова зритель не поверит своим глазам: одной-то жене Иванов по традиции последние дни отравит, а от свадьбы с другой – Шурочкой – не откажется. Успеет он волею режиссера жениться раньше, чем руки на себя наложит, и позже, чем обычно – в знакомом чеховском «Иванове». За разъяснениями я обратилась к Николаю Губенко.



ЖЕНИЛИ, ВОСКРЕСИЛИ